

Двери тронного зала распахнулись неспешно. За спиной Бай Лао послышалась мягкая поступь и шелест тончайшей ткани — так ветер вздымает в воздух опавшие кленовые листья, кружа их в причудливом танце. Вошедшая не спешила заговаривать. Остановившись рядом с сидящим на коленях ребёнком, она медленно поклонилась, заставив мелодично задрожать нефритовые украшения в её волосах, и замерла в ожидании.

От женщины пахло пряными благовониями и тёплым свечным воском. Аромат струился по помещению, обволакивал и хотя тронный зал был поистине огромен, Бай Лао показалось, что этот густой, тяжёлый запах заполнил его целиком.

Наконец, Фэн У заговорил:

— Достаточно церемоний, — привычный взмах руки позволил женщине выпрямиться, — встань.

Бай Лао, окутанный густым ароматом и погружённый в собственные мысли слишком глубоко, не сразу понял, что последнее слово было обращено к нему. Он вздрогнул и поспешил подняться, неосознанно растирая затёкшие колени влажными от волнения ладонями.

— Ты видишь будущее, — продолжил Фэн У, обращаясь к женщине, что всё ещё стояла рядом и покорно не смела заговорить, — что скажешь об этом ребёнке?

Пользуясь тем, что, кажется, над ним не собирались чинить расправу прямо на месте, Бай Лао позволил себе рассмотреть правителя местных земель. Вопреки его детским представлениям Фэн У не внушал ужаса с первого же взгляда и не был сплошь облачён в золото на манер Императора. С первого взгляда его даже можно было бы принять за простого солдата и только потом, присмотревшись, заметить явно не обычный меч в золотых узорчатых ножнах; с фениксом, расправившим крылья, на рукояти. Алый плащ, закрепленный к наплечникам с шипами тяжело раскачивался в такт каждому уверенному шагу. Резной золотой гуань[1], напоминающий языки бушующего пламени, венчал собранные в тугой пучок волосы цвета тёмной меди. Величие Фэн У не было напускным, оно было неоспоримым в деталях.

— Будущее, — раздался голос Цин Юань, про которую, Бай Лао, к своему стыду, даже успел забыть, разглядывая правителя, — лишь круги на туманной воде.

Голос женщины оказался мягким морским приливом, ласкающим песчаный берег. Бай Лао обернулся и в свете солнца, льющегося из окон увидел переливы тёмно-синего шёлка — она и сама оказалась морской волной.

Цин Юань была красива, возможно, даже слишком. Но Бай Лао, росшему среди поистине обольстительных лисиц, её внешность показалась вполне обычной. Возможно, это даже немного его успокаивало — нечто привычное в таком далёком и чуждом ему месте.

— Однако, — сказала она, склонившись и поддев тонким пальцем Бай Лао за подбородок так,

чтобы он взглянул ей в глаза — льдистые и туманные как вершины далёких северных гор, — дитя, и вправду, вызывает интерес. Откуда он?

Фэн У, величественно стоя в лучах солнца, задумчиво всматривался вдаль, сложив руки за спиной.

— Я поручил Фэн Су зачистить лисье логово на торговом пути. Там и нашёлся этот полукровка, Фэн Ся настоял привезти его. Не сыновья, а головная боль.

Будь Бай Лао более избалованным вниманием, его бы задело, что разговор о нём же происходил, будто он что-то вроде разменной монеты. Но Бай Лао не был, а потому даже испытывал облегчение, что ему не приходится участвовать в решении его же судьбы. Он успел к этому привыкнуть.

— Вот оно что...

Цин Юань задумчиво склонила голову набок, встряхнув тяжёлыми чёрными волосами.

— Возможно, Цзинь Х...

Фэн У метнул в неё настолько убийственный взгляд, что Бай Лао сжался и затаил дыхание. Но Цин Юань, судя по всему, обладала потрясающим самообладанием. Она лишь на секунду осеклась, извиняюще поклонилась и продолжила всё тем же ровным, спокойным тоном.

— Возможно, второму молодому господину следует перестать следовать пути меча. Думаю, он бы прекрасно справился с ролью моего ученика.

Цин Юань не была простой женщиной. Даже будучи ребёнком, Бай Лао понял это сразу. Хотя, выглядела она молодо и довольно изящно, держалась и разговаривала с правителем, будто тот был не более, чем подростком в сравнении с ней.

— Будущее не открыто мне целиком. Я лишь угадываю его смутные очертания в тумане. Сохранить жизнь этому полукровке было верным решением. Я вижу, этот лисёнок сыграет в будущем важную роль.

Бай Лао едва ли мог понять, о каком будущем идёт речь. Возвращённое в нём с пелёнок, чувство собственной никчёмности играло с ним злую шутку. Но неожиданно Цин Юань совсем уж по доброму ему подмигнула и нежно потрепала по всклокоченным волосам — так, может быть, когда-нибудь могла сделать его мать. Бай Лао закусил щёку, почувствовав подступающие к глазам слёзы.

— И что ты предлагаешь с ним делать?

— Я бы предложила отправить его в гарем.

Фэн У настолько неподобающе правителю опешил, что даже не смог сразу найтись с ответом. И пока складка между его бровей не успела разгладиться, Цин Юань поспешила продолжить.

— Я лишь имела ввиду, Ваше Величество, что девочки в гареме, наверняка, будут только рады понянчиться с ребёнком. Чего точно не скажешь о солдатах в казармах или другой, слишком уж суеверной прислуге. Для такого как он, гарем — куда более безопасное место.

От женщин в своей деревне Бай Лао слышал о княжеском гареме. Ни одна из них, конечно, в нём не бывала и потому знания его не были обширными — только общеизвестные факты. Он знал, что гарем не был большим, и что князь, конечно, не скупился на его содержание. Женщины с восторгом описывали богатые убранства из золота и драгоценных камней. Хотя откуда бы им было об этом знать? Попасть туда Бай Лао точно не боялся — хуже затёртой до дыр старой циновки в углу всё равно быть не могло. В гареме же точно хорошо кормили и точно хорошо охраняли.

Он ещё раз посмотрел на Цин Юань, которую, кажется, забавляла неоднозначная реакция правителя. Фэн У колебался, возможно, не желая давать почву для кривотолков, что он отправил в гарем ребёнка, да ещё и мальчишку.

— Да и к тому же, — продолжала забавляться Цин Юань, — не будьте так уж категоричны, Ваше Величество. Привести этого лисёнка в порядок и в будущем из него выйдет обворожительный наложник.

Для Фэн У это, видимо, стало последней каплей. Он не сказал ни слова, лишь развернулся спиной, давая понять, что разговор закончен.

Цин Юань, недаром обладательница магических таинств, не стала более играть с огнём. Она протянула изящную ладонь.

— Как твоё имя, лисёнок?

Бай Лао, не искушённый лаской, неловко обхватил её пальцы своими, дрожащими от волнения и кое-где ещё перепачканными сажей и грязью. Веди эта женщина его на казнь, он бы пошёл не страшась.

Он пошёл бы за ней куда угодно.

***

Путь в гарем из тронного зала был долгим, но живописным. Цин Юань вывела его во внутренний двор, но не спешила, давая возможность насладиться видом: цветущие персиковые

и грушевые деревья источали потрясающий аромат и отбрасывали тени, даруя блаженную прохладу от палящего пустынного солнца. Задержавшись возле фонтана из сияющего белого нефрита, Бай Лао только сейчас осознал, насколько измучен жаждой. Капли воды, словно маленькие хрустальные осколки кололи кожу, и так хотелось просто припасть к журчащим потокам иссушенными растресканными губами. Но Бай Лао точно не был дикарём и с усилием отвернулся, сглотнув комок вязкой слюны.

Внутренний двор был огромен, с множеством узких тропинок, деревьями и кустарниками. Мысленно Бай Лао восторгался княжескими садовниками, которые могли поддерживать во всём этом жизнь в беспощадных условиях пустыни.

Когда вдалеке уже показались острые крыши с колокольчиками и фонариками, на удивление Бай Лао, его повели в другую сторону.

— Разве нам не туда? — Не удержавшись, спросил он, спотыкаясь об единственный камушек на тропинке.

Цин Юань усмехнулась, подхватив его и не давая упасть.

— Лао-Лао, не можем же мы привести тебя таким замарашкой. Не переживай, тебе ещё успеет там надоесть. Гарем — та же казарма, только оружием там не размахивают, а прячут в дорогих шелках, и разговаривают приличнее. Я живу совсем рядом, приходи, если что понадобится.

Рядом с Цин Юань было легко. Неожиданно осмелев, Бай Лао даже хотел было спросить, нельзя ли ему просто остаться с ней. Может, напроситься в ученики. Да даже если учить его окажется нечему, он мог бы просто прислуживать и не мешать. Не доставлять проблем — искусство, которым он владел не в совершенстве, но точно на должном уровне.

Но не успел он и рта открыть, они уже подошли к домику Цин Юань, который больше напоминал небольшое святилище, из распахнутого окна которого доносился уже знакомый густой аромат благовоний и свечей.

На пороге их встретила женщина в роскошном алом ханьфу. Сложную витиеватую причёску удерживала длинная нефритовая шпилька с сияющими на солнце рубинами. В руках она держала белый бумажный зонт.

Цин Юань усмехнулась.

— Вот уж действительно, слухи во дворце не хуже пожара.

Незнакомка горделиво вздёрнула подбородок, окинула презрительным взглядом Бай Лао и медленно подошла.

— Не знаю, какие тёмные заклинания ты используешь, чтобы внушать ему свои безумные идеи,
— заговорила она, и в голосе её звенела сталь, — но я найду способ положить этому конец.

Цин Юань рассмеялась. Не по-доброму — так волны бьются о скалы в шторм.

— Сяомин-Сяомин. Ты пришла в такой зной, чтобы предостеречь меня? Не забывай, ты мать наследника, но не жена правителя. Смогла возвыситься от простой наложницы, но так и осталась дочерью каменщика. Не стоит рубить с плеча.

Бай Лао поёжился. Голос Цин Юань — мягкие волны, но океан может быть безжалостен.

Незнакомка в алом не стала утруждаться с ответом. Лишь медленно прошествовала мимо, и летящая ткань её одежд струилась на ветру — будто само пламя ступало по земле.

Комментарии и примечания:

[1] Гуань 冠 (guān) — высокая заколка-корона над головой, закрепляемая поперечной шпилькой (簪 簪 означает «птичий хохолок» и «совершеннолетний сын»). Головной убор аристократии. Второе значение иероглифа 冠 гуань — «быть первым», «превосходить». Шпилька для мужчины была символом мужества, порядочности и чести. Право носить шпильку теряли преступники. Однако, я намеренно указала, что на Фэн У только гуань, без шпильки. Я ни на что не намекаю, но просто обратите внимание (как я люблю детали, о которых потом никто не вспомнит, боже).

Цин Юань — «глубокая вода»

<http://bllate.org/book/14934/1323626>